

12+

Лада Щербакова

Незванный гость

Предрождественская история, веселая и немного страшная

Лада Щербакова

Незванный гость

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62162158

SelfPub; 2020

Аннотация

Марфа Тимофеевна и Борис Иванович – пожилая пара пенсионеров – одиноко живут в глухой деревне. Однажды накануне рождества Марфа Тимофеевна ранним утром выходит во двор и возле козлятника обнаруживает подозрительные следы. Присмотревшись, она различает отпечатки чьих-то копыт, но это следы не четырех, а двух ног! У женщины шок, она подозревает, что вокруг дома ходит сам дьявол! Все валится из рук, на каждом шагу ей мерещится что-то нехорошее, – то в кофейной гуще мелькнут очертания рогов, то какой-то стук за окном почудится. События начинают стремительно развиваться, когда в дом вваливается сосед Васька и божится, что только что видел на улице черта – черного, мохнатого и с огромными рогами! Борис Иванович подозревает соседа в белой горячке, но стук за окном возобновляется, и вся честная компания, вооружившись метлами и лопатами устремляется в сени, чтобы дать отпор незваному гостю...

Придушу, грех на душу возьму и придушу. Или лучше топором? Хрясь и готово! Марфа Тимофеевна тяжело приподнялась на кровати. И так всю ночь почти не спала – все какой-то стук мерещился, так и утром подремать не дали. Ну, где это видано, чтобы петухи по пять раз за ночь голосили? Давно пора его на холодец пустить, уж сколько раз Зинаиде говорила!

Марфа Тимофеевна посмотрела на мужа. Борис Иванович легко похрапывал, по-детски обхватив подушку руками. Утомился вчера, поди, лопатой махать. Она осторожно подтянула сползшее с мужа одеяло и, стараясь не шуметь, вышла из спальни. Раз уж встала, надо пойти проверить коз, не замерзли ли там? Ну и покормить заодно.

Зима в этом году выдалась студеная, вьюжная, а к рождеству и вовсе рассвирепела, даже в дом пробираться стала: на прошлой неделе банка с огурцами в сених треснула – рассолом весь дом пропах. Марфа Тимофеевна, пожившись, вышла в сени. Отвернула край тяжелого ватного одеяла, которым она любовно укрыла пузатые банки, удостоверилась, что все хорошо, вернулась в теплый дом и стала собираться. Ох, старость не радость, грехи наши тяжкие, пока эти рейтузы напялишь – семь потов сойдет. А кофта где? Ох, батюшки, в спальне осталась, ладно, уже как-нибудь добегу. Чай, не семь верст. Она вернулась в сени, накинула на голову толстый платок из козьей шерсти, привычным жестом заломив складочки по обеим сторонам лба, натянула выдавшую ви-

ды телогрейку, втиснула, покряхтывая, свои большие ноги в шершавые валенки, взяла приготовленное с вечера ведро с отрубями и вышла на двор.

В зыбком предутреннем мраке над дверью сарая поблескивал маяком фонарь. До него было недалеко – метров двадцать, но преодолеть их оказалось делом нелегким. Марфа Тимофеевна пробиралась к цели медленно как буксир сквозь ледяные торосы. За ночь замело все дорожки, ровно-ровно весь двор накрыло – как саваном. Марфа Тимофеевна тут же осеклась – типун мне на язык! О саване думать не хотелось. У самой стены сарая она заметила чьи-то следы – видно заяц голодавший ночью шнырял, от козлятника сеном пахнет, вот он и прискакал.

Хозяйка отперла скрипучую дверь, нащупала выключатель, щелкнула. Изнутри на нее дыхнуло пряным запахом шерсти вперемешку с навозом и залежалым сеном. Козы радостно заблеяли. «Оголодали, родимые? Не озябли, лапушки?», – Марфа Тимофеевна любила разговаривать с животными, впрочем, ей больше и не с кем особо было. Дети давно по городам разъехались – кто же сейчас в деревне живет? А муж ее, Борис Иванович, никогда словоохотливостью не отличался, да и вообще – предпочитал общаться с окружающим его миром не словами, а руками. Знатный был плотник, раньше вся округа к ним в дом стекалась – кому новый стол выстругать, кому гроб сладить, – разные у людей потребности. А как по старости мастерить перестал – совсем замкнул-

ся. Вот только Зинаида, соседка, иногда забегает – то муки попросить, то на Ваську пожаловаться, а то и так – со скуки. Баба она еще молодая, а живут на отшибе, да и муж вечно нетрезвый, тоже не с кем лишний раз словом перемолвиться.

Закончив дела в сарае, хозяйка решила еще раз взглянуть на следы – а вдруг не заяц? Вдруг лиса подбирается? Она зажгла фонарь, вышла во двор и пригляделась. Следов, хаотично разбросанных то тут, то там, было много, но это был не заяц. И не лиса. Вдоль стены сарая бродил кто-то другой – с крупными раздвоенными копытами. Марфа Тимофеевна не поверила собственным глазам и поднесла фонарь поближе – свят, свят, свят! Это были следы не четвероногого, а двуногого существа! Как человек вышагивал – одна нога за другой, только в снегу четко отпечатались не чьи-то подошвы, а внушительный размер копыта. Колени у нее подкосились – как кнутом хлестнули, и она грузно осела прямо на снег. Вместо крика из ее враз осипшего горла вырвалось тонкое и хриплое: «Бор-р-я-я!».

Как добралась до дома, она не помнила. И как трясла за грудки перепуганного, едва проснувшегося мужа – тоже. Спросонья Борис Иваныч сам чуть не помер от страха, когда на него холодным коршуном спикировала жена. «Марфа, Марфа, да что с тобой? Ты как будто черта увидела!». При этих словах Марфу Тимофеевну заколотило с новой силой. Вырвавшись, наконец, из цепких рук супруги, Борис Иваныч усадил ее на кровать, а сам побежал за валерьянкой. Глотнув

успокоительной микстуры, Марфа Тимофеевна всхлипнула, уронила голову мужу на плечо и запричитала: «Беда, Боря, беда-ааа». «Да что за беда то?». «К нам ночью дьявол приходил!».

Борис Иваныч испуганно уставился на супругу. Мысли роились в его седой голове, жужжали и больно жалили – что делать, что делать? Сбрендила Марфа на старости лет! Ох, горюшко то какое. Что то теперь будет? Он ласково погладил жену по спине: «Ты, Марфа успокойся, напутала ты что-то, померещилось в темноте. Вот, выпей-ка еще валерьяночки».

«Пойдем!». Марфа Тимофеевна крепко схватила мужу за руку и потянула к двери. «Да погоди ты, дай хоть обуться!». Борис Иваныч, увлекаемый супругой, едва успел схватить тулуп и засунуть босые ноги в валенки. На улице занимался скупой январский рассвет, снова заснежило. Дотащив мужа до сарая, Марфа Тимофеевна ткнула пальцем в уже плохо различимые отметины на снегу:

– Вот, Боря, гляди!

– Где? Что?

– Да вот же! Вот!

– Ну, заяц наверно прибежал...

– Боря, какой заяц, это же копыта! Разве у зайца бывают копыта?

– Ну может корова или свинья?

– Боря, какая корова, откуда здесь корова? И где это видно, чтобы корова на двух ногах ходила?

– Почему на двух?

– Да ты сюда, сюда смотри, вот, возле двери!

– Где?

– Да вот же, ой...

На том месте, где еще недавно виднелись следы двуногого обладателя копыт, красовался глубокий отпечаток массивного зада рухнувшей на снег Марфы Тимофеевны. Борис Иваныч почесал затылок, поднял упавший фонарь и робко потянул жену за рукав: «Пойдем, Марфа, в дом, застудишься».

Весь день у хозяйки все валилось из рук. Капустный пирог подгорел, в кутью она забыла положить изюм, а ее фирменные голубчики размером с мизинец и вовсе все расплозились в кастрюле. Такого с ней раньше не бывало. «Ох, дьявольские проделки, – вздыхала она угрюмо. – Не к добру все это, не к добру». Сочельник отметили тихо и буднично. Дождавшись церковного колокола, возвестившего о начале всенощной, Марфа Тимофеевна зажгла свечу под иконой и долго молилась. Благодарила за жизнь долгую, хоть и непростую; за мужа, суженого ей на эту жизнь милостивой судьбой, за деток и внуков – все живы-здоровы, и слава Богу. Каялась, что на всенощную не пришла – ну разве дойдешь с такими ногами? Обещала не сквернословить – Зинаиду за глаза дуриндой не называть, и лишний раз по мелочам Богу не жаловаться. А больше она за собой свежих грехов и не вспомнила. А про старые он и так все знает. Решила было слово

дать по постным дням мужу наливки не наливать, но потом передумала – все равно не сдержит.

После десяти Борис Иваныч засобирался спать, а Марфа Тимофеевна приступила к боевой подготовке: положила на подоконник крест из Дивеево, в четырех святых водах омытый, запалила церковную свечку, припасенную еще с Пасхи, в угол у двери зачем-то поставила метлу и села ждать. А чего ждать – и сама не знала. Старый деревянный дом, двор, занесенный снегом, запрятанную в лесу деревню, ледяное озеро, дорогу, лес, весь необъятный мир за окном накрыла темная рождественская ночь.

Ветер, наконец, угомонился. С неба робко срывались разлапистые снежинки. Давно так покойно не было. Не к добру это, ох, не к добру. И будто в ответ на эти мысли послышались скрипучие шаги – кто-то пробирался к дому. Марфа Тимофеевна выпрямила спину и перекрестилась. Потом подкралась к окну и отодвинула край занавески: возле крыльца маячила темная тень. Явился! В дверь настойчиво постучали. Батюшки, а дверь то она запереть забыла! Марфа Тимофеевна с неожиданной для нее прыткостью вскочила, одной рукой схватила крест, другой – метлу и отважно ринулась в сени. За просто так она свою душу не отдаст!

На пороге стояла припорошенная снегом запыхавшаяся Зинаида. Увидав соседку с метлой, она приподняла лукавую бровь и звонко расхохоталась: «Теть Марф, да вы, смотрю, без меня тут время зря не теряли – неужто жениха подыскать

решили? Вот я дяде Боре все расскажу! А может и мне через метлу попрыгать – глядишь, Ваську своего непутевого брошу и снова замуж пойду!». Пуховый платок сполз ей на плечи, в растрепавшихся волосах сверкали бусинки таящих снежинок. И такая она была все румяная, сочная и веселая, что Марфу Тимофеевну попустило. Даже совестно как-то стало – зря она заморочилась со следами этими, только Борю всего извела. Вот и про Зинаиду забыла – а ведь намедни колядовать собирались. «Ох, и язык у тебя, Зина, как помело, заходи, раз пришла, чего в сенях мерзнуть?».

Марфа Тимофеевна вернула метлу и крест на место и пошла варить кофе. Женихи да суженые ее уже лет пятьдесят не интересовали, да и Зинаиду, впрочем, тоже. Ваську своего вечно пьяно-похмельного она, как всякая русская баба, любила преданно и беззаветно, что, впрочем, не мешало ей раз в неделю выгонять его из дома. За неимением свадебных интересов гадали женщины исключительно на судьбу – на что Бог пошлет, а к этому кофейная гуца лучшим образом приспособлена. Раз в году в канун рождества хозяйка дома доставала из буфета латунный ковшик и заветную банку – кофе в ней хранился годами и использовался исключительно для гадальных нужд (кто ж такую гадость пить будет?). Кофейного порошка Марфа Тимофеевна не жалела – иначе и не разглядишь ничего, если гуци мало выйдет. А как на огонь поставишь – надо во все глаза смотреть, проворонишь – закипит «колдовское зелье» – все, пиши пропало, никако-

го гадания не получится. Посуда абы какая тоже не подойдет. В дальнем ящике буфета Марфа Тимофеевна хранила семейную реликвию – две чайные пары старинного фарфора, бережно укутанные в вату. Чашечки были невесомыми и просвечивались на свет. На их изящных бочках красовались томные барышни в кринолинах, и будто воздушным поцелуем были припечатаны кокетливо изогнутые ручки. Барышень этих она помнила еще с детства, а как они в семью попали – один Бог знает, мать вечно от вопросов отмахивалась, хмурилась и почему-то краснела, да так и не рассказала. Чашки извлекались из буфета в канун рождества, а после гадания отправлялись на заслуженный отдых еще на год.

Зинаида, затаив дыхание, наблюдала за священнодействием соседки. Ну, пожалуйста, ну, пожалуйста, беззвучно нашептывала она. Уж который год, а желание у нее было все одно – заветное, но что-то никак не выходило. То шубу увидит, то телевизор. А ей бы ребеночка. Марфа Тимофеевна разлила дымящийся напиток по чашкам. У нее у самой никаких особых желаний давно не было – лишь бы ноги не болели, и дети почаще приезжали, а все остальное – так, ерунда, суета сует.

Посидели, помолчали маленько, поморщившись, сделали по глотку, поболтали чашки туда-сюда, аккуратно выплеснули остатки в раковину и перевернули чашки на блюдца вверх дном. Зинаида подрагивающими пальцами приподняла свою «барышню» и всмотрелась в узор на донце. «Теть

Марф, – смотрите, круги какие-то, даже не знаю – на что похоже?». Марфа Тимофеевна нацепила на нос очки, пригляделась: «Вроде как колеса, может машина? Машина – это к путешествиям. Вот образумится твой Васька, купит машину и махнете с ним в Сочи летом». Зинаида угрюмо отмахнулась: «Угу, махнем, как же, на велосипеде за самогоном до Пушкирхи. Ну, теперь ваша очередь, тетя Марф, что там у вас?». Марфа Тимофеевна осторожно взялась за тонкий завиток ручки, приподняла, мысленно перекрестилась. Женщины медленно склонили головы и ахнули: на бледно-перламутровом фоне явственно проглядывали изогнутые рога!

«Тьфу ты, Господи! Привидится же такое!». Марфа Тимофеевна плюнула прямо в чашку и резко отодвинула ее в сторону – прямо на край стола. «Ты, Зинаида, оставайся, я тебе на диване постелю, нечего тебе в такую ночь по улицам шастать, мало ли кого там встре...». Не успела она договорить, как за окном раздался душераздирающий крик: «А-а-а-а-а! Помогите! Спасите!!!». Марфа Тимофеевна дернулась, Зинаида ойкнула и вскочила, а кринолинная барышня пошатнулась, сделала пируэт, и, издав печальный всхлип, разлетелась на множество мелких осколков. В дверь отчаянно заколотили.

Женщины закричали, забились в угол, а из спальни выбежал ошалевший хозяин дома: «Что, что происходит?». «Боря, Боря, опять он!». «Да кто он?». «Дьявол!». «Тьфу ты, опять за свое, сумасшедшая баба!». Борис Иваныч метнул-

ся в сени, отодвинул засов и отворил дверь. На порог рухнул всклокоченный, вываленный в снегу сосед Васька. Рот его, хватая воздух, то открывался, то закрывался, глаза бешено вращались, взгляд метался из стороны в сторону и, наконец, наткнулся на Зинаиду. Васька бросился к оторопевшей жене, уткнулся носом ей в грудь и зарыдал. «Васенька, миленький, что с тобой? И как, как ты здесь? Ты же дома спать лег!», – Зинаида гладила вздрагивающего мужа по голове. «Я проснулся, тебя нет, грустно мне стало, Зина, одиноко, вспомнил, что ты к соседке собиралась, вот и пошел за тобой», – судорожно всхлипывал Васька. «А кричал то чего?» – недовольно проворчал Борис Иванович. Васька снова затрясся: «Так я там, по дороге, дьявола встретил!».

– Тьфу на тебя, Васька, ну я понимаю, бабы, у них завихрения в мозгу по признаку пола, а ты то чего?

– Борис Иванович, Христом Богом клянусь, собственными глазами видел, морда черная, мохнатая, и рога огромные! И светятся в темноте! Сначала вроде как на четырех ногах был, а потом на две встал и прям на меня пошел!

– А, ну-у, ты, Васька, пей побольше, черти на каждом углу мерещиться будут. Признавайся, сколько ввечеру на грудь принял?

– Борис Иванович, да чтоб мне пусто было, ну, хряпнул пару стаканчиков в честь праздника, всего то делов, вон, Зинка свидетель!

Зинаида усиленно закивала головой, а Марфа Тимофеев-

на стала сердито выговаривать мужу:

– Ты, Боря, Фома неверующий, пока собственными глазами не увидишь, людям на слово не поверишь! Говорила я тебе утром, а ты – померещилось, померещилось, вот и мы с Зиной его только что видели, а теперь и Василий! Здесь он, здесь, нечистый, обложил со всех сторон!

– Марфа, да ты смотрю совсем ума лишилась, ну, где он, где – за печкой сидит?

– Да нет же, здесь, в чашке! Сам посмотри!

– Господи, Марфа, в какой чашке?

– Да вот же, ой...

Хрясь! – пискнула под ногой хозяина дома то ли рука, то ли голова кринолинной барышни. Поскользнувшись на кофейной гуще, тот густо матернулся и, хлопнув дверью, снова ушел в спальню, оставляя за собой коричневые следы.

«Марфа Тимофеевна, мне бы успокоительного, – заныл Васька, – а то до сих пор перед глазами эта рожа маячит». «Там, в буфете, ты, Зина, сама возьми, а то у меня уже сил нету. И огурчики ему открой, пусть закусывает. А я приберу тут и спать. Не к добру все это, ох, не к добру...».

Не успела Марфа Тимофеевна смахнуть остатки семейной реликвии в мусорной ведро, как за окном послышался вкрадчивый звук – тук-тук, тук-тук-тук, легонько так, осторожно. Стук показался ей знакомым – где-то она его уже слышала! Вспомнила! Вот точно так же ночью сегодня кто-то стучал, а она думала – мерещится! Обитатели дома зата-

или дыхание. Васька с перепугу даже рюмку до рта не донес, а Зинаида так и застыла с соленым огурцом, насаженным на вилку. Стук то приближался, то отдалялся, будто бродит кто вокруг дома да стены выстукивает. Наконец стук пропал. Бок-бок, короткими шажками Марфа Тимофеевна добралась до подоконника, взяла крест и выглянула в окошко: ничего не видать в темноте. Потом схватила метлу и протянула Ваське – держи. Из комнаты снова выскочил Борис Иванович – злой почище черта: «Вы что ту нехристи вытворяете, чего стучите – людям спать не даете?». «Тссс, – Марфа Тимофеевна поднесла палец ко рту, – это не мы, Боря». «А кто?». Женщина укоризненно посмотрела на мужа, поджала губы – мол, все равно, не поверишь.

Стук возобновился: тук-тук, тук-тук-тук – на этот раз стучали прямо в дверь. «Ну все, надоели мне ваши черти!», – Борис Иванович схватил стоящую в сенях лопату и ринулся ко входу. Васька опрокинул рюмку в рот и решительно рванул следом. За ним Марфа Тимофеевна с крестом. Процессию замыкала Зинаида, вооруженная вилкой с так и несъеденным огурцом. Борис Иванович отодвинул засов и распахнул дверь. На пороге стоял большущий, чернющий, страшно бородатый и совершенно настоящий... козел! Морда его была измазана в снегу, длинные мохнатые уши свисали как у собаки, а изогнутые в стороны рога поблескивали в темноте зеленовато-фосфорным светом. Господи, спаси и помилуй!

Не дождавшись приглашения от онемевших от ужаса хо-

заяв, незванный гость уверенно вошел в дом. Потоптался у порога, повел носом, подошел к остолбеневшей Зинаиде и аккуратно стащил с вилки огурец. Аппетитно похрумкал и ткнулся холодным носом ей в плечо – беее, мол, давай еще! А после встал на задние ноги и на глазах остолбеневшей публики сделал пируэт. Васька смачно выбранился, а Марфа Тимофеевна осенила рогатого танцора крестным знамением. Зинаида круглыми от ужаса глазами рассматривала пустую вилку, а Борис Иваныч, облокотившись о лопату, стал медленно сползать на пол. Он как-то согнулся весь и заколотился, издавая утробные хриплые звуки. «Боренька, родненький, что с тобой?», – метнулась к нему Марфа Тимофеевна. Борис Иваныч повернул к ней мокрое от слез лицо: «А дьявол то у тебя, Марфа, АХАХАХА, дрессированный, АХАХА! Спроси у него, АХАХАХАХА, может он еще и песни поет или, АХАХА, на барабане играет?». Услышав слово «барабан», козел встал на задние ноги, подошел к стене и ритмично забарабанил по ней передними копытами: тук-тук, тук-тук-тук, тук-тук, тук-тук-тук.

Борис Иваныч уже не просто смеялся, он стenal, охал, похрюкивал и повизгивал. «Теть Марфа, – сообразила Зина, – он же небось голодный, зря что ли вытанцовывает?». Марфа Тимофеевна метнулась на кухню, щедро нарубила кочан капусты. Слопав изрядную порцию, козел радостно заблеял и снова двинулся в сторону Зинаиды. Та испуганно прижалась к стене: «Вась, а Вась, чего это он от меня хочет?». «Дык ему

огурец соленый явно по вкусу пришелся! – заржал Васька, – Закусить требует!».

Истребив штук пять огурцов, незванный гость был сопровожден в козлятник впредь до выяснения личности. В деревне ни у кого дрессированных козлов со светящимися рогами отродясь не водилось, а из районного центра он дойти никак не мог – далеко да холодно, или волки бы по дороге съели. Да и нет там ни цирка, ни зоопарка.

Хозяина козла через сельсовет нашли на следующий день. Очень ценный козел оказался, редкой анатолийской породы и исключительно умный – из столичного театра, колесившего по городам и весям с гастрольями на школьных каникулах. Он при очередном переезде из грузовика выпрыгнул – видно, засов плохо закрыли. Шофер по нужде отошел, а когда вернулся – пропажу и не заметил. За поимку беглеца награду назначили – целых пятьдесят рублей, которые директор труппы лично вручил Марфе Тимофеевне и Борису Ивановичу, а еще хозяйке руки целовал и сердечно благодарил за спасение уникального животного. Он один на всю Россию такой – утверждал директор. На него из самого Парижа известный дрессировщик посмотреть приезжал! И исключительно за соленые огурцы на сцене работает – он их страсть как любит. А звать то, звать его как – вспомнила Марфа Тимофеевна, когда упирающееся животное затаскивали в кузов, – не хотел уезжать козел от новых знакомых. «Ну, имя у него простое, козлиное, – ответил директор, – Борька!». «Ну по-

чему же козлиное?» – надулся Борис Иваныч, а Марфа Тимофеевна долго смеялась и банку с огурцами мужнину тезке в дорогу передала.

На вырученные средства хозяева утеплили козлятник, а остальные детям отправили – внукам на подарки. О том, как Марфа Тимофеевна дьявола ловила, весело судачила вся деревня. А в начале июня у ее любимицы, белоснежной Маньки родился козленок. Весь черненький, мохнатенький с длинными белыми ушками. Пока рога не выросли – чистая собачка. И когда успел – удивлялся Борис Иваныч? Всего ночь переночевал! Долго ли умеючи – похохатывал Васька. Теперь его на удивление все больше видели трезвым. Машины он не купил, зато в августе смотался в город и привез оттуда невероятной красоты ярко-красную коляску с огромными колесами – точь-в-точь как кофейная гуцца показала. Зинаида ходила пузатая и светилась вся как лампочка над соседским сараем – Борис Иваныч вкрутил новую, мощную, не фонарь, а прожектор, чтобы Марфе Тимофеевне больше никто не мерещился. Сам он после рождественских происшествий как-то оживился, повеселел, по вечерам стал с женой в карты играть и даже мастерить снова потихоньку начал. А Марфа Тимофеевна к осени огурцов насолила видимо невидимо. На вопрос мужа – кто же это все съест, пожимала плечами – ну мало ли кого занесет попутным ветром? Борьку вспоминала с нежностью, хотя за чашечку с барышней пеняла – столько лет прожила и на тебе. Потом нежно смотрела

на мужа, что-то там строгающего за столом, и про чашечку забывала. Ерунда это все, суета сует.